

ОДНА из актрис Московского театра юного зрителя, где репетируется моя пьеса «Декабрь сорок первого», спросила меня:

— Ваш герой, четырнадцатилетний Ваня Елизаров, идет в опасную разведку и, рискуя жизнью, добывает в тылу врага ценнейшие сведения. Скажите откровенно, неужели вы действительно видели точно такого мальчишку?

— Точно такого не видел, но podobных ему видел много, очень много! И, честно говоря, подвиг, совершаемый в пьесе Ваней Елизаровым, далеко не превосходит того, что в действительности делали тогда в боях под Москвой юные разведчики, снайперы, подрывники.

Сейчас, четверть века спустя, я могу, не кривя душой, точно сказать, когда впервые во мне зародилась неотвязная мысль написать о юном защитнике Москвы. Попал я под Малоярославцем в разведывательную роту, прославившуюся дерзкими рейдами в поисках столь нужных командованию «языков». Именно там я понял, что обязан рассказать о парнишке, от которого впервые услышал то, что вскоре в самых разнообразных словосочетаниях стало девизом защитников столицы:

— В боях за Москву мы все москвичи!

Так мне напомнил и, представьте, весьма назидательно, украинский хлопчик Ваня Медовец, уязвленный тем, что я сказал его наставнику — столичному каменщику, сержанту Федоту Дедунову: «Вы-то настоящий москвич!».

— А я хiba не москвич, — продолжал Ваня. — А дядя Илико из Чигатури хiba теперь не москвич?

Ваня Медовец бежал из сожженного оккупантами приднепровского села Чижы и накрепко прижился в разведроте. На его счету было уже три «языка», в том числе захваченный им и Дедуновым подполковник с важными штабными документами. Разве я могу забыть, как в ватнике не по росту и в новенькой ушанке Ваня стоял навтыжку перед батальонным комиссаром, вручившим ему медаль «За отвагу»?

А разве можно забыть ночное комсомольское собрание под Бородином, где знаменитая дивизия полковника Полосухина насмерть держала оборону поля русской ратной славы! Не до собраний было в ту ночь: немецкие танки и мотопехота непрерывными бронированными валами накатывались на наши рубежи. Но комиссар 332-го полка, прозванного в армии хасанско-комсомольским, разрешил комсоргу саперной роты пятиминутное (ни на секунду дольше!) собрание с одним вопросом на повестке дня: заявление юного подрывника пионера Володи Крука о приеме в комсомол.

Накануне Володе сообщили, что

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

он представлен к правительственной награде. Мальчик бесхитростно заметил: «Лучше бы в комсомольцы приняли, а то еще целых четыре месяца в недоростках ходить...». На собрании, проходившем в узенькой лоштинке под надрывный посвист пролетающих над ней вражеских мин, Володя честно рассказал про серьезный изъян в своей пионерской биографии: хронические «неуды» по немецкому языку. Но комсомольцы-саперы сочли возможным пойти на заведомое нарушение комсомольского устава — Володя Крук был принят в комсомол, несмотря на то, что не достиг четырнадцатилетнего возраста.

Помню я и тринадцатилетнего пионера из селения Ново-Михайловское Боровского района Ваню Андрианова. Разведая замаскированные огневые точки врага и верно предугадав опасный для наших наступающих подразделений замысел оккупантов, Ваня под пулеметным огнем перебежал к нашим. Мальчик не только своевременно предупредил командира части о гитлеровской засаде, но и вывел наших пехотинцев в тыл гитлеровцам по замерзшей реке Протаве. Вражеские укрепления были разгромлены. Ваню Андрианова наградили орденом Красной Звезды.

Мой Ваня Елизаров совершенно не повторяет героических поступков Вани Андрианова. Но когда на репетиции я впервые увидел своего героя (хотя исполнитель роли внешне совсем не похож на юного патриота из подмосковного села), то, поверьте мне, на какое-то время показалось, что я вижу хитроватый раскос улыбчивых глаз Вани Андрианова...

... Два брата приехали из города на школьные каникулы к бабушке в деревню. Там их застала война. Мальчики связались с партизанским отрядом и помогли выследить и уничтожить нескольких крупных фашистских офицеров. Два городские пионера помогли сколотить из ребят группу активных помощников партизан.

Этот абзац может, вероятно, кое-кому показаться сухой аннотацией традиционной тизовой пьесы. Нет, речь идет о юных москвичах Шуре и Вале Кузьмичевых, боровшихся

плечом к плечу с партизанами близ деревни Товарково Можайского района.

... Батальон гвардейцев выбивает из городка укрепившихся там немцев. Ранен комбат. Мгновенное замешательство. И вот под перекрестным огнем навстречу нашему батальону выбегает укутанный женским платком мальчик. Он размахивает алым полотнищем. Старшина, заменивший в бою раненого комбата, подхватывает мальчика, бежит с ним к зданию райисполкома и водружает на вышке красное знамя. Воодушевленные гвардейцы удесятерят силу натиска и окончательно выбивают врагов из городка.

Что это? Строки из киносценария? Нет, я рассказываю о подлинном подвиге оставшегося доселе неизвестным юного пионера городка Алексина в минуты, когда воины 12-го гвардейского освобождали этот подмосковный городок.

Можно назвать еще многие имена юных героев великого сражения за Москву. Они спасали от врага пионерские знамена, портили вражескую телефонную связь, расклеивали в оккупированных селениях антифашистские листовки.

Подвиги юных участников Великой Отечественной войны начались под Москвой и закончились под Берлином. Да, под Берлином! Достаточно напомнить, что десятки угнанных в Германию советских ребят активно и самоотверженно помогали нашим наступающим войскам в часы берлинского сражения.

Почему же эти подвиги до сих пор так слабо отражены в нашем театре и кинематографии? Сейчас, когда отмечается первая четвертьвековая дата первой знаменательной победы наших войск над фашистской военной машиной, такой вопрос особенно закономерен. Ведь совсем недавно Центральный Комитет КПСС и Советское правительство в своем решении о средней школе подчеркнули, насколько важно развивать у школьников высокое чувство советского патриотизма и воспитывать в них готовность к защите социалистической Родины.

А мы, драматурги и режиссеры, еще равнодушно проходим мимо ярчайших эпизодов, правдиво и подлинно характеризующих подвиги юного поколения в дни войны. Проходим мимо материала высокого романтического накала, мимо исторических эпизодов, заслуживающих обобщения средствами искусства. Мы лишаем себя замечательной основы для создания детских спектаклей и фильмов, сильных великой силой героического примера. Задумаемся же над этим в дни знаменательной даты 25-летия разгрома немецких фашистов под Москвой! Задумаемся — и сделаем творческие выводы.

Ц. СОЛОДАРЬ.